

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Виктор ДЬЯКОВ

МЕТАМОРФОЗА

Виктор Дьяков

Метаморфоза

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Дьяков В. Е.

Метаморфоза / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 1999

К директору небольшой фирмы, пребывающему в состоянии депрессии, приходит некрасивая девица. Она заявляет, что беременна от его сына, и просит финансовой помощи. Директор не сомневается, что это проститутка, вознамерившаяся таким образом "подойти" богатого папашу одного из своих клиентов. Он издевательски предлагает ей в качестве отступного... 50 рублей! Но ответная реакция девушки заставляет его в корне изменить свое отношение к ней. Содержит нецензурную брань.

© Дьяков В. Е., 1999

© ЛитРес: Самиздат, 1999

Содержание

1	6
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

МЕТАМОРФОЗА

рассказ

1

Зыков проснулся с головной болью. Она не отпускала его уже несколько недель, растекаясь от затылка, медленно заволакивая виски и лоб. Он начал с ней свыкаться: боль существовала как бы параллельно его сознанию, совсем не мешая думать. Только вот думы всё больше рождались тягостные, обращённые в прошлое – обычное самокопание нездорового человека, разменявшего шестой десяток лет.

Заглянув в комнату сына, Зыков убедился, что Алексей так и не приходил ночевать. К этому он тоже уже привык и потому излишнего волнения не испытал, если не считать, что голова отреагировала едва ощутимым выбросом ноющей лавы в направлении правого виска.

Звонок телефона застал его в ванной. Наскоро вытершись, он взял трубку и услышал нарочито подобоострастный голос Кузькина:

– Доброе утро Николай Семёнович, как спали, как самочувствие?

Холодная вода не принесла облегчения, и Зыков не смог изобразить бодрость:

– Да так, неважно.

– Что такое, заболели!? – в голосе компаньона проскользнула подспудная радость.

– Да есть немножко, – уклончиво ответил Зыков

– Ну, так мне за вами заезжать? – теперь в голосе Кузькина чувствовалось и беспокойство.

"Бойтся сучёнок, что самому с работягами объясняться придётся", – без злости, равнодушно подумал Зыков, а в трубку сказал:

– Заезжай конечно, как вчера решили так и будет. Меня на завод подбросишь, а сам в банк.

– Ну, тогда лады, через двадцать минут я у вас, – ответил Кузькин, тоном подтверждая догадку шефа.

Кузькин опаздывал. Зыков в плаще, зябко ежась от порывов пронизывающего осеннего ветра, прохаживался возле своего подъезда, в надежде проветриться и взбодриться. Под ногами хлюпала грязная жижа, а в воздухе ощущался кисловатый привкус очередной порции отравы, втихаря выброшенной под утро в атмосферу на каком-то из близлежащих предприятий. Зыков взглянул на свой "Роллекс", пожалуй, единственной вещи, по которой в данный момент его можно было причислить к категории "новых русских". Кроме времени часы выдали информацию, что сегодня 29 сентября 1998 года, вторник. Всё способствовало безрадостному умозаключению: "вот и ещё одна осень... осень жизни".

Звук клаксона прервал размышления. "Форд" Кузькина выруливал по полоске асфальта незанятой "ракушками" и, стоящими прямо под открытым небом легковушками отечественного производства. Кузькин не только сигнализировал шефу о прибытии, но и привлекал внимание жителей окрестных пятиэтажек-хрущёвок, владельцев этих презренных "москвичей" и "жигулей" – смотрите, завидуйте ... О своём "форде" Кузькин заботился, как о любимом дитя, чтобы не дай бог, никто не заподозрил, что его иномарка далеко не первой свежести, и приобретена с рук всего за пять тысяч долларов. То есть, чтобы никто не догадался, что он не такой уж "крутой" бизнесмен.

Зыков с иронией относился к тридцатичетырёхлетнему заместителю, он давно уже "просчитал" этого навязанного ему в компаньоны мелкого жулика, который без посторонней помощи не пошёл бы дальше завсклада. Отлично осознавал Зыков и то, что свое настоящее, а не нынешнее, в большей степени бутафорское, обогащение Кузькин связывает с занятием его директорского кресла. "А ведь у него не так уж мало шансов", – эта мысль в последнее время нередко посещала Зыкова, реально оценивавшего состояние своего здоровья, подорванного ещё в "местах не столь отдалённых", катастрофически уменьшившуюся работоспособность,

периодические "выключения"... Зыков, по натуре сугубо семейный человек, фактически не имел семьи: жена давно умерла, а сын только портил отцу кровь. Ох, как надеялся Кузькин на все эти "положительные" факторы, хоть и понимал, что пятьдесят два это ещё не возраст для потенциального покойника, но так ему хотелось поскорее сменить потрёпанный "форд" на новый "мерс".

В машине Кузькин не смог отказать себе в удовольствии ещё раз поинтересоваться самочувствием шефа, но тот в ответ лишь неопределённо махнул рукой. На Шоссе Энтузиастов несмотря на ранний час настоящее половодье транспорта. Чад от выхлопных труб повис едва видимым на фоне пасмурного утра серовато-прозрачным смогом. Трепетно относящийся к своему здоровью Кузькин, демонстративно поморщился и поднял стекло со своей стороны, как бы предлагая то же проделать и шефу. Но Зыков, будто ничего не видел и не ощущал. Даже когда свернули с грохочущей магистрали на относительно спокойную улицу и остановились у завода, он продолжал сидеть с отсутствующим видом.

– Приехали, Николай Семёнович, – Кузькин подхалимски осторожно сделал попытку вернуть шефа в реальность.

Зыкову понадобилось время, чтобы уяснить эти слова, хотя он мог... Он мог без видимых усилий, перемножать в уме четырёхзначные числа, держать в памяти огромное количество информации: фактов, имён, дат, цифр, содержание целых документов... Около полуминуты Зыков осознал слова Кузькина, потом молча открыл дверцу, намереваясь идти к проходной.

– Ну, так я в банк? – спросил Кузькин, видимо желая уточнить степень "съезда крыши" у Генерального.

Зыков вновь несколько секунд "переваривал" вопрос, а потом утвердительно кивнул:

– Давай, если что звони мне по мобильнику.

Опытный завод при оборонном НИИ, где ООО "ЦВЕТМЕТ" арендовало производственные мощности, переживал обычные для постсоветского периода трудности – он фактически не работал и существовал в основном за счёт сдачи оборудования и помещений в аренду. Генерального директора ООО встречал завпроизводством Рябушкин, сорокапятилетний инженер-металлург, ранее трудившийся здесь же на отливке особо прочных сплавов для всевозможных мирных и военных ракет. Сейчас в печах выплавляли алюминиевые десятикилограммовые бруски, пользующиеся спросом в первую очередь на зарубежном рынке.

– Здравствуйте Николай Семёнович, – невысокий Рябушкин снизу вверх пытливо смотрел Зыкову в глаза, надеясь предугадать, с чем пожаловал директор, разрешит ли нависшие как тяжёлые сосульки, грозящие раздавить фирму проблемы: зарплаты, сырья, арендных платежей. Но лицо Зыкова было непроницаемо. Ответив на рукопожатие, он молча проследовал в цех.

Не будучи металлургом, Зыков за шесть лет директорства обрёл способность чувствовать этот цех, становой хребет его небольшой фирмы, которая в свою очередь являлась дочерней, входящей в более крупную корпорацию, возглавляемую давним другом Зыкова Владимиром Михайловичем Кудряшовым. Ещё два месяца назад цех "звучал" по-иному. Мерный гул пламени в печах накладывался на шум работающей электротали, снующих автокаров, перевозящих на поддонах "поленницы" алюминиевых брусков. Сюда же вплетались голоса: громкие командные Рябушкина и бригадиров, менее звучные рабочих. Сейчас чуткое ухо Зыкова сразу определило перемену: гул пламени в печах уже ни на что не накладывался. Рабочие, собравшиеся у дверей склада и что-то обсуждавшие, тут же стали торопливо расходиться, увидев директора.

Зыков и семенивший рядом Рябушкин, не останавливаясь пересекли цех и вошли на склад. Здесь "поленницы" серебристых болванок занимали более половины обширного помещения. Они были обвязаны стальной проволокой и приготовлены к отправке.

– Где экспортная партия? – вопрос Зыкова адресовался завскладу, который пересчитывал бруски в "вязанках".

– Вот Николай Семёнович, еще вчера приготовили, – длинный худой кладовщик в синем халате указал на "поленницы", стоявшие отдельно и увязанные в отличие от прочих проволокой без жёлтого коррозионного налёта.

– Завтра на десять часов заказаны машины. До обеда надо успеть погрузить и отправить.

Зыков уже оправился от утренней меланхолии и предстал перед подчинёнными в своём обычном рабочем состоянии. Он неосознанно оттягивал то, чего, тем не менее, избежать было невозможно. Постояв, он вздохнул и негромко распорядился, обращаясь к Рябушкину:

– Собери людей.

Давно ожидавший именно этой команды, завпроизводством кивнул и пошёл в цех. Уже не первый день по заводу ходили слухи, что зыковскую фирму ждёт неминуемый крах. А раз так, то те, кто, польстившись на относительно высокие заработки, перебежали из НИИ в "ЦВЕТ-МЕТ" теперь должны униженно проситься назад... получать 300 рублей с трёх – четырёхмесячной задержкой. В фирме насчитывалось таких три десятка человек. Зыков платил им 1,5 – 2,5 тысячи в месяц. Причём зарплату до августа ни разу не задерживали.

Во внутреннем кармане Зыкова запищал "мобильник". Звонил Кудряшов:

– Коля привет. Ты почему вчера на мои звонки не отвечал? Где ты сейчас?

– В цеху, – обходя вопрос о вчерашнем, ответил Зыков.

– Как там у тебя обстановка?

– Хреново, сейчас с работягами объясняться буду.

– Ясно. Значит, твой дармоед Кузькин так и не достал деньги на зарплату?

– Не мой Володя, а твой. Не я его себе в компаньоны приглашал! – уколол Зыков друга за шестилетней давности компромисс, на который пошёл Кудряшов, пристроив вторым человеком в "ЦВЕТМЕТ" этого нагловатенького молодого человека со стороны, зятя какого-то таможенного чина. Взглянув на прислушивающегося к разговору кладовщика, Зыков отошёл подальше и заговорил тише. – Ну, кто ему сейчас под честное слово деньги даст? Будто сам не знаешь, какая обстановка. Всё же стоит, вся цепочка, сплошные неплатежи.

– Ты мне обстановку не объясняй, я не того боюсь. Мне не нравится твоё отношение к делу в последнее время. Я понимаю у тебя проблемы с Алексеем, но сейчас не время хандрить. Соберись Коля, кризис на дворе, мы должны сейчас из кожи лезть...

– И что ты предлагаешь? – резко перебил Зыков и сделал знак подошедшему Рябушкину, чтобы тот обождал, пока он кончит разговор.

– Коля ты отлично знаешь, что я предлагаю. Съезди сам в банк, поговори. Кто такой ты и кто такой Кузькин.

– Он финансовый директор. Это его работа, пусть ездит.

– Всё так Коля, но сейчас не время в позу становиться. Производство надо спасать. Вон вчера у Прохорова, что-то вроде бунта случилось. Его самого за грудки трясли, зарплату требовали. Ты что, того же хочешь!? – в голосе Кудряшова ощущалось нешуточное беспокойство.

– Да ну, неужто, месяц без зарплаты и сразу за грудки? – недоверчиво переспросил Зыков, ничуть, впрочем, не озабочась, даже заулыбавшись.

– Он, конечно, сам дурак, набрал чёрти кого, но дело-то в том, что у него сейчас всё встало. Я боюсь как бы и у тебя... Съезди Коля сам в банк, – почти умолял Кудряшов.

– Ладно, Володя не паникуй раньше времени, – некоторая растерянность Кудряшова, напротив, как бы добавила уверенности Зыкову. – Пока поставщики бастуют, на мелких партиях сырья перебиваться будем. Я уже снабженцев разослал, чего-нибудь найдут, не в лесу, в Москве живём. И насчёт зарплаты не дрейфь. Своих я уговорю подождать. Думаю, меня за грудки не возьмут.

– Ну, как знаешь, – беспокойно вздохнула напоследок трубка.

Казалось, за тридцать с лишком лет голос Кудряшова совсем не изменился. В трубке он звучал также как и тогда, когда Зыков впервые его услышал, на общем собрании первокурсников только что поступивших в престижный московский экономический ВУЗ. Володя приходился сыном крупной номенклатурной шишки. Знакомством и дружбой с Кудряшовым Зыков был обязан своим недюжинным математическим способностям. Тот сразу выделил из немногочисленной среды робких провинциалов этого скромно одетого, говорящего с волжским "оканьем" парня и использовал все годы учёбы, прежде всего как ходячую ЭВМ.

Благодаря дружбе с мажором немало благ предназначенных Володе перепало и Коле. Хоть и с красным дипломом окончил он институт, но быть бы ему где-нибудь в заштате рядовым, а потом старшим экономистом, написать годам к 35-ти кандидатскую, если повезёт попасть на преподавательскую работу, опять же в дыре, и годам к 50-ти защитить докторскую – максимум возможного для способного, но без связей советского человека. Однако у Зыкова получилось по-другому. Кудряшов с синим дипломом стал для него мощным буксиром – они вместе распределились в Москве, сначала НИИ, потом ГОСПЛАН...

2

Не смотрелся Зыков "новым русским". Молва рисовала отечественного нувориша обязательно молодым человеком, говорящим с уголовным "акцентом". Но большинство предпринимателей в первые постсоветские годы вышло из опытных хозяйственников. И внешность у Зыкова была самая "хозяйственная": рост выше среднего, почти квадратный, но не мощный, а рыхлый, с выпирающим животом, с глубокими залысинами, обнажавшими высокий лоб, не благородный "сократовский", а скорее мыслителя сельского масштаба. Одет он в дорогой, но мятый, давно нуждающийся в чистке плащ, из под которого двумя неприглядными серыми столбами, без признаков глажки, ниспадали на нечищенные ботинки брюки. Вид солидного, но совершенно не следящего за собой вдовца, давал основания для рабочих называть Зыкова не иначе как "мешок с трухой", или ещё похуже. Впрочем, сейчас им было не до внешности их "горячо любимого" хозяина. Они с нескрываемой тревогой ждали оглашения судьбы фирмы, их собственной судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.